

КУЛЬТУРНЫЙ МИФ О ПУШКИНЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «СВЕТСКОЙ СВЯТОСТИ»

Ольга Васильева

Доцент

Департамент русского языка и
литературы
Северо-Казахстанский
государственный университет им.

М. Козыбаева

Петропавловск

Казахстан

vasilieva_olga@list.ru

Аннотация: В контексте русской культуры имя и творчество А.С.Пушкина занимает одно из центральных мест, являясь квинтэссенцией национального образа мира. С момента появления поэта на литературной арене, его имя и биография становятся почвой для формирования одного из важнейших национальных культурных мифов, сквозь призму которого оцениваются современные процессы и тенденции развития общества.

В статье содержится попытка рассмотреть возможные причины создания и функционирования мифа об А.С. Пушкине в контексте феномена «светской святости», исключительно русского явления, на фоне которого становится очевидным особое отношение к чтению, писателю (поэту), классическому тексту как к сакральным явлениям культуры.

В публикации намечены этапы эволюции пушкинского мифа от момента его зарождения при жизни поэта до идеологического мифотворчества вокруг его имени. Особое внимание в статье обращено на механизм трансформации мифа о Пушкине из культурного в идеологический как акта манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: чтение как «соборный акт», «светская святость», пушкинский миф

Значение русской классики как культурной универсалии для национальной самоидентификации трудно преувеличить и переоценить. Это обусловлено как актуальностью классического текста вообще, так и специфическим отношением русской культурной традиции к слову, книге, писателю, который занимает особое место в системе национальных ценностей. Заметим, что подобное отношение и к литературе, и к самому институту писательства формировалось отнюдь

не в эпоху расцвета русской классики, в 19-ом веке. Сакральное отношение к слову, книге, формировалось в Древней Руси, где чтение воспринималось не как интеллектуальный индивидуалистический акт, а как нравственная обязанность, нравственная заслуга, «богоугодное дело», а книга – «духовный руководитель, вместилище вечных идей... духовный и всеобщий авторитет... «соборный» акт (Панченко, 1996, с.205). Именно по этой причине в русской культуре и сам акт чтения, воспринимаемый как постоянно повторяющийся процесс, и сама книга не воспринимались иначе, как необходимое условия нравственного совершенствования, формирования и развития духовной жизни человека.

В связи с сакрализацией самого процесса чтения и всего, что с ним связано, осмысление статуса поэта (писателя), формирующееся в русской культуре с середины 17-го века, происходило весьма болезненно на русской почве. Процесс индивидуализации творческого процесса воспринимался традиционным обществом как процесс отпадения от «соборного свидетельствования» (Панченко, 1996, с.210), и вплоть до конца 17 века писательский труд воспринимался весьма противоречиво. Писателя возводили до ранга пророка и низводили до шута. Однако, по замечанию А.М. Панченко, «...поэтов незримо, но прочно охраняло ...общественное мнение... почитатели и враги воспринимали их как преемников пастырей и как новых пастырей» (Панченко, 1996, с.221) Заметим, что образ поэта-пророка восходил к образу пишущего «смирennemудрствующего» монаха, чья рука и помыслы были вдохновенны Богом. Так в русской культуре начал формироваться миф о поэте, о его сакральной роли в жизни общества – хранителе основополагающих, бытийных представлений о мире и человеке. Эта позиция укрепилась в период преобразований Петра Первого.

Приостановлением патриаршества Петр Первый «приостанавливает» сам процесс канонизации святых, чрезвычайно важный для русской сакральной жизни. Однако традицию, существовавшую в Древней Руси, ему остановить не удалось, она продолжает существовать исподволь, порождая феномен «светской святости». «Это чисто русская ситуация, – отмечает Панченко, ... ни католики, ни протестанты, за ответом на житейские проблемы не обращаются к Гете, Бальзаку или Диккенсу...на Западе нет «светской святости», в России же ее основания заложил Петр». Главой Поэтов и «светских отцов» с течением времени становится А.С. Пушкин, «относительно которого нация высказалась с поразительным единодушием» (Панченко, 1996, с. 498). Его творчество становится стержневым основанием русской культуры, средоточием ценностей от экзистенциальных до бытовых (вспомним определение В.Г. Белинским романа в стихах «Евгений Онегин» как «энциклопедии русской жизни»).

В связи с этим становится очевидным тот факт, что на каждом историческом повороте, связанном с ломкой стереотипов, пересмотром общественно значимых ценностей, творчество Пушкина начинает переосмысливаться. На него и на его произведения обрушивается целый шквал «новых прочтений», разрушительной критики. Его объявляют устаревшим, пытаются сместить с пьедестала его законной славы. Нам представляется важным обозначить причины подобного отношения к творческому наследию и самой личности А.С.Пушкина.

Ответом на этот вопрос отчасти может послужить наблюдение за тем, как формировался миф, связанный с именем поэта, и, главное, какие его стороны акцентировались, попадая в различные культурные ситуации. Оговоримся, что данная статья не позволит нам рассмотреть эволюцию пушкинского мифа всеобъемлюще, однако мы сможем проследить сам механизм формирования этого мифа и значение его в жизни общества.

Пушкинский миф подразумевает расширительное, многоаспектное толкование фигуры поэта, его биографии, выделение знаковых вех в его судьбе, постоянно соотносимых с различными аспектами социальной, духовной жизни, философии.

С самого момента появления Пушкина на поэтическом поприще вокруг его личности уже начали складываться мифы о нем. Так, в первые годы его появления на литературной арене функционировал миф о «чудо-таланте», призванном прославить Россию. Причем активно поддерживали и распространяли его известные деятели русской культуры, имевшие непосредственное отношение к формированию творческой составляющей личности Пушкина: В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Н.М. Карамзин. Вспомним заявления о поэте В.А. Жуковского: «Чудесный талант! Какие стихи! Он замучил меня своим даром как привидение» (1818 год). Или слова П.А. Вяземского: «Стихи... чудесно хороши! Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое» (1818 год). Безусловно, подобные заявления лишь поддерживали интерес к поэту.

В годы Южной ссылки поэта появляется новый миф о Пушкине как о романтическом изгнаннике, влюбленном и вдохновенном, что было связано, прежде всего, с эстетическими вкусами эпохи, воспитанными романтической традицией. Романтики, рассматривавшие миф вообще как первоисток, вокруг которого формируется поэзия, были весьма склонны к романтизации не только действительности, но и реальных людей, в том числе и поэтов. В связи с этим необходимо обратить внимание на тот факт, что для формирования семантики пушкинского мифа становится принципиально важной ситуация, создавшая возможность формирования идеологического мифа о поэте в более поздний период. Мы имеем в виду 30-е годы 19-го века, когда в России «закладываются» основы «массовой» культуры.

Пушкин возвращается из ссылки в разгар совершенно иной культурной эпохи со сложившимися уже новыми представлениями о месте литературы в обществе, о нормах отношений между писателем и публикой, совершенно отличными по сути своей от представлений поэтов пушкинского круга, которые впитали в себя традиционное для русской культуры отношение к поэту. Для молодых литераторов 30-х годов Пушкин недостаточно образован и философичен. Более того, говорят о том, что он устарел. Тем не менее, поэт сумел создать вокруг себя «свою» коммуникативную общность (Жуковский, Вяземский, А.Тургенев, Дельвиг и др.), которая не культивировала литературу, что стало модным в эту эпоху, а жила ей.

Эта общность раздражала тех, кто стремился сформировать новую литературу, ориентированную на иную, чем Пушкин, читательскую среду: купечество, мещанство, чиновничество, «демократию». «Публика» же, у которой пользовался успехом Ф.Булгарин, литературный противник поэтов пушкинского круга, нередко боровшийся с Пушкиным

и его сторонниками посредством пасквилей, не успевала за стремительным развитием поэта. Для многих читателей Пушкин оставался героем романтических мифов, тогда как одно за другим появлялись такие его веховые произведения, как «Борис Годунов», «Повести Белкина», «История Пугачева» и многое другое. Произошло нарушение одного из основных понятий герменевтики, науки о понимании и толковании произведения: нарушение принципа диалогичности, разработанного в 20-м веке М.М.Бахтиным. Диалогизм, по мысли ученого, это сфера духовного обогащения людей, сфера их сближения. В диалоге с автором читатель стремится «добраться, углубиться до творческого ядра личности автора» (Бахтин, 1979, с. 361) и проявить способность духовно обогатиться опытом автора. У большинства потенциальных читателей Пушкина к этому моменту возникает уже другая сфера духовных интересов, определяемых иной культурной ситуацией.

Пушкина и его «знаменитых друзей» обвиняют в «аристократизме». Но примечательно, что в этот же период Ф. Булгариным создается и «социальная репутация» поэта при помощи пасквилей и сплетен. Рождается миф о Пушкине – высокомерном барине, считающем своих читателей «стадом». Этот миф примечателен тем, что касается теперь не только сложной и противоречивой личности Пушкина, но и охватывает принципы его творчества.

Успешных литераторов 30-х годов 19-го века, имеющих свой круг читателей, коммерческий успех, чего нельзя было сказать о Пушкине и свои, пришедшие ко времени, принципы, в Пушкине раздражало то, что раздражает в нем и сейчас тех, кто собирается «творить» новую культуру или очередную «новую» идеологию на русской почве.

Все дело в том, что именно в этот период, ставший во многом переходным для дальнейшего развития русской литературы, Пушкин поднимает принципиальный, ключевой для русской литературы вопрос об ответственности поэта за слово, поскольку поэт – тот, к кому взывает глас Бога. Тем самым Пушкин возвращает русскую литературу к своим национальным истокам не только по форме, но по сути своей, утверждая сакральность слова, сказанного поэтом. Размышляя о Пушкине, В. Непомнящий не случайно писал о том, что «...русская литература никогда не существовала, не писалась «для себя» или узкого круга, – она всегда была обращена к людям и сознавала свою ответственность перед людьми, помня... что слово – священно, что в слове – вся полнота мира и вся полнота правды, одной на весь мир» (Непомнящий, 1999, с. 383). Пушкин понял и сформулировал это положение раньше других. Не коммерческий успех произведения, не слава, сиюминутная или посмертная, не определяют суть творчества поэта, а ответственность за сказанное слово, которая является совестью поэта. Совесть, категория также сакральная для системы русских национальных ценностей, дает возможность поэту, не вступая в противоборство с «толпой» и «веком торгашом», принять историю, творящуюся вокруг с исторической и человеческой точки зрения, смиряясь с мыслью о неизбежности смерти и прихода новых поколений. Вспоминаются слова Н.Н. Скатова: « Пушкин совершил в своем творчестве весь мыслимый человеческий цикл... мудрый Пушкин не исключил для человека, для себя никаких исходов судьбы, никаких ее продолжений, никаких ее окончаний. Он...представил, «проиграл» самые разнообразные: оптимистические, трагические, спокойные, драматические...Но не исключена и смерть...разом, вдруг, внезапно, всякая и во всякий момент – человек должен быть готов. Мудрый Пушкин готов.

И готов встретить достойно» (Скатов, 1987, с.333). В этом состояла величайшая сила и гармония Пушкина, которую понимали современники поэта, как его единомышленники, так и литературные противники.

Смерть Пушкина породила образы, навсегда вошедшие в пушкинскую мифологию: «невольник чести», «солнце русской поэзии», «русский национальный поэт», идеолог, пророк. Но здесь же, на наш взгляд, лежат корни тенденции, развивающейся по сей день, которую В. Маркович назвал «идеологическим мифотворчеством» (Маркович, 1996, с.136).

Дело в том, что именно тогда появился сознательно фальсифицированный (курсив мой – О.В.) образ Пушкина, автором которого стал В.А.Жуковский. После гибели поэта он действительно составляет письмо С.Л. Пушкину, содержащее подробности последних дней поэта от 15 февраля 1837 года. Поскольку письмо сознательно создавалось для печати, оно составлялось Жуковским из действительно имевших место фактов, которые выстраивались, однако, согласно определенной концепции. Жуковский, поэт и ближайший друг Пушкина, сделал акцент на то, что Пушкин – символ современной литературы и, следовательно, официальное признание его должно было способствовать признанию литературы как формы общественной деятельности, возведение ее на уровень общегосударственного, общенационального дела. Но именно тогда же Пушкин впервые был сознательно (курсив мой – О.В.) поставлен под эгиду имени императора Николая 1, с которым у него складывались непростые и неоднозначные отношения, без чего посмертная судьба Пушкина и тем более его семьи была бы еще трагичней. В результате «консервативные черты концепции Жуковского выступили на первый план и затмили все остальные» (Маркович, 1996, с.34). В рамках данной статьи мы не можем остановиться подробнее на причинах, побудивших создать сознательно образ Пушкина, в который сам Жуковский верил лишь отчасти, но заметим, что в этой сознательной фальсификации, на наш взгляд, и лежат корни сознательной идеологизации, а подчас и спекуляции именем Пушкина.

Раскол в русской культуре, ставший совершенно очевидным сразу после смерти Пушкина, лишь усугубил то противоречивое отношение к поэту и тем нравственно-эстетическим ценностям, которые были «закреплены» в его творчестве. Столкнулись ценности двух культур: дворянской, из которой вырос Пушкин, и разночинно-демократической, видевшей в литературе средство идеологической борьбы. Подходя утилитарно к искусству, Писарев, в противовес уже сложившемуся в читательском сознании мифу, создает образ-карикатуру. «...Маленький и миленький Пушкин», роль которого в борьбе с крепостным правом, например, можно свести к нулю, и который, в связи с этим, по мысли критика-демократа, «пользуется своей художественной виртуозностью как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного бессилия». «Поэзия Пушкина, – продолжает Писарев, – уже не поэзия, а только археологический образчик того, что считалось поэзией в старые годы. Место Пушкина – не на письменном столе современного работника, а в пыльном кабинете антиквара, рядом с заржавленными латами и с изломанными аркебузами» (Писарев, 1956, с. 374). Сразу вспоминаются и высказывания футуристов начала 20-го века, предлагавших сбросить Пушкина с корабля современности, и поразительно совпадающие, с мыслями Писарева высказывания современных авторов: «Психологически современный человек

очень далек от Пушкина, и вся эта ретроатрибутика в виде гусаров, чепчиков, старых дам, игры в карты, гусарского досуга должна быть дико далека уже от советского рабочего и колхозника... помещичий поэт Пушкин настолько устарел, что уже наше ничто... » (Э. Лимонов «Священные монстры»). Так постепенно культурный миф о Пушкине все более переходит в область идеологии.

Празднование столетнего юбилея поэта соединило в пушкинском мифе «... идеи Гоголя и Белинского о национальном поэте и бравурность патриотической пропаганды, пророческий характер русской литературы и прагматичность просветительского сознания, жажда идеала и идеологические догмы» (Вацура, 1974, с.121). Увеличиваются притязания на него различных политических и общественных сил. Именно тогда началось превращение поэта в официального классика, поэта империи, именем которого нередко просто спекулировали.

Согласно точке зрения Шатина Ю., преобразование культурного мифа о Пушкине в идеологический происходит в 30-е годы 20-го века. Именно тогда, по его мнению, появляется идеологическая доктрина, которую исследователь видит в работе Д.Д. Благого «Социология творчества Пушкина», появившейся в 1927-м году.

Если же обратить внимание на то, какую функцию выполняет миф о Пушкине конца 19-го века и первых десятилетий Советского государства, то мы увидим, что он в обоих случаях становится «инструментом разрешения фундаментальных противоречий сознания, не разрешимых в рамках иных, не мифических его форм» (Скатов, 1978, с.130). Постоянное обращение к мифу используется в целях моделирования определенной картины мира, причем начало этому процессу, таким образом, было положено уже в конце 19-го, а отнюдь не в 20-м веке.

Мы потому столь подробно остановились на этом историческом моменте, что последующие периоды сценарий актуализации пушкинского мифа остались и продолжает быть прежним. Миф о Пушкине, преданном царю, любящем простой народ, верном православной вере, творился так же, как и миф о Пушкине – «друге декабристов», непреклонном атеисте, жертве самодержавия, ненавидящем царя. «Пушкин – наше все», «наше ничто», «наше не все» – эти мифы рождаются, по мысли В. Марковича, из препарирования «материала». Многосложный и целостный «материал» художественного творчества расчленялся на «нужный» или «ненужный» для обоснования выбранной оценки. «Нужное» выделялось и акцентировалось, «ненужное» затенялось или отбрасывалось. Но каждая отдельно взятая деталь, так или иначе, искажает действительное положение вещей. «Нужное» и «ненужное» определяется запросами эпохи, общество начинает творить миф, в котором оно нуждается.

А.С. Пушкину, органично впитавшему в себя традиции культуры Древней Руси, осознавшему свою роль и место в литературе «открылась та единая общенациональная основа, которую он сам назвал «сила вещей» – исторический, государственный, культурный, религиозный опыт народа, отлившийся в строгую иерархию ценностей». Это позволило ему избежать «приземленности» и «безыдеальности» (Шишкин). Развенчать пушкинский миф, в котором сосредоточились основы национального бытия, означает

деформировать культурные смыслы, лишить русскую культуру возможности и примера целостного восприятия мироустройства. Именно этим обусловлены, на наш взгляд, регулярные попытки пересмотра семантики пушкинского мифа.

Список литературы

1. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры, том 3(17 - начало 18 века). - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 624 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.- М.: Художественная литература, 1979. – 341 с.
3. Непомнящий В. Художественный мир Пушкина. М.,1999.
4. Скатов Н.Н. Русский гений. - М.: Современник, 1987. – 352 с.
5. Маркович В.М. Миф о Лермонтове на рубеже 19-20-го века // Имя-сюжет-миф. - СПб. 1996. – 376 с.
6. Вацуро В.Э. Пушкин в сознании современников // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т.2. Под общ. ред. В.В. Григоренко. - М.: Художественная литература, 1974. – 389 с.
7. Писарев Д.И. Сочинения в 4-х томах.- М.: Художественная литература,1956. Т.3. – 567 с.
8. Шатин Ю.В. «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации: [Электронный ресурс]. URL:<http://prometeus.nsc.ru/museum/texts/sibpush/shatin.ssi> (Дата обращения: 29.09.2019)
9. Шишкин А. Феномен «светской святости» в русской литературе 19 века: // Москва, сентябрь 2013. URL: http://moskvam.ru/publications/publication_966.html (Дата обращения: 29.09.2019)

Cultural myth about Pushkin in the context of “secular sanctity”

Abstract: *One of the key integral parts of the Russian culture is A.S. Pushkin's works, also being in the heart of the national image of the “world”. Ever since the poet became a name in literature, his biography was a cornerstone for one of the key national culture myths giving a vantage point for contemporary social process and trends evaluation. The article represents a take on the possible reasons for creating and operating the A.S. Pushkin's myth in the context of “secular sanctity”, an exclusively Russian notion explaining the peculiar attitude to reading, author / poet, the classics as sacred cultural phenomena.*

The publication defines the evolution stages of the “Pushkin's myth” from its birth within the poet's lifetime to the ideology-biased mythogenesis around his name. Specific focus is made on the transformation of the cultural “Pushkin's myth” into an ideological one as an act of public manipulation.

Keywords: *reading as a spiritual commonality action, “secular sanctity”, Pushkin's myth*